

ПОЛКОВОДЦЫ СВЯТОЙ РУСИ

Дмитрий
Володихин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Дмитрий Володихин

Полководцы Святой Руси

«ВЕБКНИГА»

2022

Володихин Д. М.

Полководцы Святой Руси / Д. М. Володихин — «ВЕБКНИГА»,
2022 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04758-7

Русь Владимирская существовала два столетия: со второй половины XII века, от княжения Андрея Боголюбского, до второй половины XIV века, эпохи Дмитрия Донского. Она была исторически единой областью с общей столицей – Владимиром, который был символом единства Северо-Восточной Руси. В начале XIV века она оказалась в отчаянном положении. Разоренная, раздробленная, обезлюдевшая под гнетом Орды, она, казалось, уже никогда не обретет прежнего величия. Но именно она стала ядром будущей России, почвой, на которой поднялось единое Русское государство. Она стала горнилом, из пламени которого вышла Святая Русь – страна монахов-подвижников, просвещавших верой Христовой колоссальные пространства Севера. Наконец, она сохранила опыт византийской автократии, государственного строя истинной Империи. Четырем выдающимся правителям и полководцам Владимирской Руси посвящена эта книга.

ISBN 978-5-235-04758-7

© Володихин Д. М., 2022

© ВЕБКНИГА, 2022

Содержание

Что такое Святая Русь	6
Великий князь Ярослав Всеволодович	14
Из Переяславля в Переяславль	15
Трагедия Липицы	17
Наследие великого самовластца	18
Начало большой войны	19
Без милосердия, без уступок, без пощады	20
Надежда	22
Годы смирения	25
Литвины и немцы: кто опаснее?	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Володихин

Полководцы Святой Руси

© Володихин Д. М., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», 2022

Что такое Святая Русь

Святая Русь не имеет четко выдержанной государственной принадлежности. Это не столица и не глушь. Это пространство без твердо установленных границ.

Святая Русь – земляная чаша, в которую налито вино Причастия. Стенки чаши хранят вино Истины.

Святая Русь одновременно припоминание Изначалья, Творения, рая на земле и стремление к Новой земле, Новому небу и новому раю.

Святая Русь представляет собой страну-идею, страну-мечту, в то же время мечту, уже отчасти осуществившуюся, пусть пока еще не до конца. Она задержалась в своем превращении из состояния «земля и люди» в состояние Новой Палестины, населенной народом чистым, без конца исторгающим святых из лона своего.

Святая Русь есть сопряжение смолистой, выдержанной русскости, твердо стоящей на земле, и христианской святости – светлой, воздушной. На земле эта святость задерживается разве что из сострадания к непросвещенности народов христианством и затопления общества грехом.

Святая Русь может отодвигать свои рубежи, даруя соседям просвещение в восточнохристианском ключе, и сжиматься, сосредоточиваться в «остров» на малом пространстве, когда натиск снаружи слишком силен и волны внешней ярости непрерывно бьют в стены светлого града. Она дышит, то сжимаясь, то расширяясь.

Святая Русь чиста, но окружена кольцом «фронтов» и держит границы, боясь осквернения.

О Святой Руси на Руси земной, державной, встающей на путь Царства, заговорили в XVI веке. Но уже тогда книжные люди, церковная иерархия, правители держали в умах своих нечто существующее, ширящееся, развивающееся. Притом существующее не со времен древнекиевских, почти забытых, а с относительно недавних пор.

Это необычное время, перевернувшее судьбу Руси и давшее ей высокое назначение, началось в XIV веке, в келейке преподобного Сергия Радонежского. Лучи молитвенного сосредоточения и самоотверженного отдания личности Богу разлетались по Руси сначала от горы Маковец, потом от жилищ учеников Сергия и соратников его, принадлежащих той же эпохе: Стефана Пермского, Димитрия Прилуцкого, Саввы Звенигородского, Авраамия Чухломского, Нила Столобенского, Кирилла Белозерского, Германа, Савватия и Зосимы Соловецких, Пафнутия Боровского... да целого сонма граждан Небесного града.

Монастырской святостью Русь просветилась. На карте ее словно бы образовалась сеть из нитей, узлов, звезд и перекрестков христианской святости, бежавшей богатства и простертой перед Богом в тревогах о спасении души. Словно бы на скудную, серую, едва отвоеванную у леса почву положили светящуюся сеть.

Сеть света проступила на русском пространстве в период скверны и тягот. Породила ее Русь Владимирская, истерзанная Ордой и междукняжескими усобицами, нищая, залитая кровью, запачкавшая одежды пеплом от больших пожаров.

Когда Русь Владимирская легла на сон, ее заменила Русь Московская, державная, обернувшаяся Царством. И этому Царству, всему его существованию, придавало смысл наследие владимирских времен, а именно Святая Русь, сеть света. Из Руси Московской, царственной, вышла Россия.

* * *

Итак, во времени и пространстве жизни земной Святая Русь – это Русь Владимирская и в какой-то степени Русь Московская.

Современный историк Д. М. Михайлович писал об этом пусть и весьма категорично, но в целом справедливо: «Россия вышла из кельи Сергия Радонежского и дубового кремля Ивана Калиты. В какой-то степени – из Золотых врат владимирских. И конечно же, из жаркого дня на широком поле у слияния Дона и Непрядвы. Но не из Софии киевской. *Россия – дитя Ростово-Суздальской Руси, иначе говоря, Северо-Восточной окраины Империи Рюриковичей.* Да, конечно же, святая Ольга и святой Владимир – родные русским. Через них и через киевский портал христианство широким потоком полилось на Русь – на всю Русь, не выбирая, где там в XX веке пройдет очередная случайная граница между разновидностями восточных славян. Да, конечно, вся история Древней Руси, то есть Руси домонгольской – принадлежность истории России в качестве глубинных корней ее бытия. Да, конечно, в юной России XV–XVI веков превосходно знали древнерусскую литературу, в значительной мере южно- или западнорусскую по происхождению. Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Илариона Киевского, Кирилла Туровского, “мужей чудных” из Киево-Печерского монастыря почитали своими. Да, древние былины, “Повесть временных лет”, “Слово о Законе и Благодати”, “Сказание о полку Игореве” для великой хоромины России, строящейся из малых теремков удельной эпохи, стали камнями духовными, уложенными в фундамент... Всё так. Нет ни малейшей причины отказываться от этого, как сейчас говорят, культурно-исторического наследства. И всё же столичная Русь древнекиевских времен, Русь Южная, Русь, выросшая из симбиоза полян, древлян, кривичей с варягами, – страна в целом гораздо менее родная для России, чем окраинный ее регион: Ростово-Суздальская, позднее Владимирская земля. И многие национальные стереотипы русского народа, а вместе с тем многие особенности российского государственного строя – плод владимирской эпохи и Владимирской Руси, а Русь Киевская всему этому – хоть и не чужая, но все же, что называется, “дальняя родня”. Если сравнивать это с семьей, то Владимир-Залесский Москве – отец, Новгород – дед, Константинополь – прадед, а Киев – двоюродный дядя. Не чужое, родное – всё, включая и Софию киевскую, и былинных богатырей, и Владимира Мономаха, но чуть подальше торной дороги»¹.

Но и Орда Руси не родная, что бы ни утверждали евразийцы.

В исторической публицистике, а порой даже в исторической науке встречается утверждение: «Русское самодержавие – наследие Орды!» Кто-то говорит об этом с брезгливостью, кто-то – с гордостью, но вне зависимости от субъекта высказывания суть его неверна.

Орда в принципе не могла дать Руси примеров автократического правления, поскольку ее государственный порядок строился на родовом праве, не говоря уже о совершенно чуждой для Руси конфессиональной составляющей. Точно так же самодержавие, то есть сильный, прочный автократизм не мог вырасти из древних национальных традиций государственного строительства, поскольку и на самой Руси родовое право имело мощные корни.

Киевская Русь являлась государством, которое управлялось огромным, разветвленным родом Рюрика. Притом управление это, включая сюда и разделение Руси на отдельные княжения, и распределение этих княжений между отдельными представителями рода, производилось семейно, коллективно, напоминая управление общим участком земли, находящимся во владении большого семейства.

До 1130-х годов, как правило, у рода Рюрика имелся ярко выраженный лидер, который садился на «великий стол» в Киеве и властвовал как «старший в роду». Генеалогически, да и

¹ Михайлович Д. М., Володихин Д. М. Московское царство: Процессы колонизации XV–XVII вв. М., 2021. С. 50.

по возрасту он мог быть вовсе и не старшим среди Рюриковичей. Запутанность правил наследования как киевского княжения, так и всех остальных (то «братчина», то «отчина», то смесь первого со вторым) включала порой механизмы открытой силы – уже вне каких бы то ни было родословных схем. После смерти Мстислава Великого в 1132 году всякие механизмы сдерживания политических амбиций оказались сломаны, и Русь погрузилась в многовековое состояние политической раздробленности. Ее раздирали бесконечные междоусобные войны. Очень скоро отдельные ветви Рюриковичей получили постоянную власть над крупными регионами, которые сделались практически независимыми княжествами: Смоленское, Черниговское, Галицко-Волынское, Рязанское, Ростово-Суздальское и т. д. Киев же превратился в драгоценный приз, который самый удачливый завоеватель получал как военную добычу.

Политическая раздробленность делала Русь уязвимой ко вторжениям извне, чем пользовались соседи, в особенности с востока и юга: волжские булгары, а также кочевники-половцы или, иначе, «куманы», и, конечно, монголы.

Но в одном из княжеств центробежные тенденции начали уступать место центростремительным. Это колоссальный регион на северо-востоке Руси, имевший в качестве столицы то Ростов Великий, то Суздаль и, наконец, Владимир. Князьям Владимирским были подвластны десятки городов. Им подчинялась русская область, по площади вполне сравнимая и со Вторым Болгарским царством, и с Сербско-греческой империей времен их расцвета, правда, не столь густо населенная и постепенно, порой весьма медленными темпами осваиваемая в лесистых своих районах.

Владимирские государи время от времени ставили под контроль Новгородскую вечевую республику, где правило горделивое боярство. Завоевание Киева перестало быть для них целью: укрепляя собственные владения, они могли играть судьбой русского Юга. Волжские булгары, не раз смиренные их походами, трепетали перед военной мощью Владимирской Руси.

Два великих правителя, оба сыновья основателя Москвы Юрия Долгорукого, возвысили Владимирскую Русь до необычайных высот: во-первых, Андрей Боголюбский, правивший во Владимире с 1157 по 1174 год, и, во-вторых, Всеволод Большое Гнездо, великий князь Владимирский с 1176 по 1212 год. При них Владимирская Русь украсилась белокаменными храмами и новыми монастырями. Именно тогда появился Успенский собор во Владимире, ставший образцом для многих будущих храмов Руси. Высокая христианская культура процветала во Владимирской Руси: возводились крепости, велось летописание, создавались первоклассные литературные произведения.

От прочих древнерусских областей Владимирская Русь отличалась прежде всего тем, что два названных ее правителя утвердили традицию самодержавного правления. Они не зависели в своих решениях ни от местного боярства, ни от огромного Рюрикова рода, ни от собственной ветви Рюриковичей, связанной родством с Владимиром Мономахом. Тем более они никак и ни в чем не зависели от Киева. Андрей Боголюбский однажды демонстративно покинул одно из богатых южнорусских княжений, добытых ему отцом: его интересовала собственная земля, ее превращение в могучую державу. Он взял с собой великую святыню – икону Божией Матери, впоследствии получившую имя «Богородицы Владимирской» – по новому месту пребывания.

Смерть Юрия Долгорукого в 1157 году сделала его сына Андрея полновластным распорядителем Ростово-Суздальской земли.

Андрей Юрьевич любил Церковь, основывал новые иноческие обители, проявлял большую щедрость к духовенству. По словам летописца, князь охотно раздавал милостыню. Образованность Андрея Юрьевича можно сравнить с богатым культурным багажом его деда – Владимира Мономаха. Князь покровительствовал книжникам и сам являлся духовным писателем. Так, его перу принадлежит «Слово о милости Божией», связанное с одолением волжских болгар. Приязнь к духовенству сочеталась у князя Андрея с мечтами прославить любимую Владимирщину, твердый оплот его власти. 8 апреля 1158 года «...заложил Андрей князь в Воло-

димери церковь камену святую Богородицу... и дал ей много имения: и слободы купленыя... за даньми, и села лепшия, и десятины в стадах своих, и торг десятый...»². К 1160 году церковь была достроена, а к исходу августа 1161-го – расписана фресками. Князь «...украши ю дивно многообразными иконами и драгим камнем бес числа и сосудами церковными»³. Росписью и отделкой храма занимались мастера «из всех земель». Так рассказывает летопись о самой масштабной архитектурной затее Андрея Юрьевича – возведении громадного Успенского собора, который в XII веке звали «Богородицей Златоверхой». Конечно, искреннее христианское чувство соседствует здесь со стремлением показать: уходит древняя слава киевская, ныне Владимир украсится постройками, превосходящими величие киевской старины! Князю показалось мало одной только чудесной громады Успенского собора. В 1164 году закончилось строительство храма на Золотых вратах владимирских и началось сооружение Спасской церкви. Владимир первенствовал в строительных затеях князя Андрея. Но толика почтения досталась и Ростову: там при Андрее Юрьевиче появился белокаменный Успенский собор.

Рядом с Владимиром, в Боголюбове, князь выстроил белокаменную резиденцию и храм Покрова на Нерли поблизости. Лишь невеликая часть княжеской резиденции дошла до нашего времени⁴. Отсюда и прозвище Андрея Юрьевича – Боголюбский. Боголюбово дало ему возможность держать, до поры, древнее влиятельное боярство на расстоянии от себя. Он, кажется, предпочитал управлять через людей, прямо зависевших от него или же лично им поставленных должностных лиц – младших дружинников, «мечников», «посадников», «тиунов». А это с еще большей силой накаляло отношения между ним и боярами.

Андрей Боголюбский, этот первый самодержец Владимирской Руси, пал жертвой боярского заговора в 1174 году. Но владимирский автократизм отнюдь не ушел в могилу вместе с ним. Его младший брат Всеволод прочно удерживал бразды правления вплоть до самой кончины. Северо-Восточная Русь отдыхала при нем от междоусобных войн. 1176 год принес этому князю, младшему из братьев-Юрьевичей, власть над всей Северо-Восточной Русью. Обстоятельства заставили его покорять неумных врагов огнем и мечом. В битве за битвой он повергал своих противников и только так мог их успокоить. Он начал править, достигнув 26-летия, имел к тому времени обширный политический опыт, располагал незаурядным воинским талантом, а вместе с тем – умственным складом прагматика. Силой установив на Владимир-Суздальской земле свою власть, добившись полного подчинения всех ее областей, Всеволод Юрьевич все годы правления поддерживал единство, завоеванное дорогой ценой. Оно давало князю возможность свободно оперировать экономическим потенциалом и воинской силой Ростова, Суздаля, Владимира, Переяславля-Залесского, Юрьева-Польского, Белоозера, Костромы, Москвы, Твери, Кидекши и других городов. Автор «Слова о полку Игореве» риторически обращался к нему: «Ты можешь Волгу веслами раскропить, а Дон шеломами вычерпать!» Князь мог вывести в поле столько воинов, сколько не сумел бы поставить в строй никакой другой русский правитель.

Таким образом, Всеволод Юрьевич владел инструментом, позволявшим ему править самовластно на своей земле и столь же самовластно вмешиваться в дела соседей.

За все время правления князя его земля совершенно не страдала от внутренних усобиц и очень незначительно – от внешних вторжений. Она выглядела как континент покоя в океане бушующей Руси.

Всеволода Юрьевича и его старшего брата Андрея и по складу личности, и по политическому почерку можно считать предтечами московских государей, особенно тех, кто правил нашей страной в ту пору, когда сложилось централизованное Русское государство. Они

² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. СПб., 1846. С. 149.

³ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. СПб., 1846. С. 150.

⁴ Фрагмент храма Рождества Богородицы и Лестничная башня.

искали единства для подвластных им земель, устанавливали непререкаемое подчинение и в то же время отличались крепкой верой, нищелюбием, благочестием. Всеволод Юрьевич, помимо того что занимался масштабным крепостным строительством в Суздале, Переяславле-Залеском и Владимире, основывал новые монастыри, возводил каменные храмы.

Летопись по смерти князя Всеволода возносит ему хвалу: «Много мужествовав и дерзость имев, на бранех показав. Украшен всеми добрыми нравами, злая казня, а добромысленная милая: князь бо не туне меч носит – в месть злодеям, а в похвалу добро творящим. Сего имени токмо трепетаху вся страны, и по всей земле изыде слух его (т. е. разносилась слава о нем). И вся зломыслы его вда Бог под руце его⁵, понеже не возношашеся, ни величашеся о себе, но на Бога все возлагаше всю свою надежду, и Бог покаряше под нозе его вся врагы его. Многы же церкви созда по власти своей... имея присно страх Божий в сердци своем, подавая требующим милостыню. Судя суд истинен и нелицемерен, не обинуя лица сильных своих бояр, обидящих меньших... Любяше же помногу черноризецский и поповский чины»⁶.

Его сыновья затеяли было свару, как это было принято на юге, и сошлись в борьбе за власть на реке Липице (1216). Как сообщает летописец, сражение русских против русских, православных против православных привело к гибели более девяти тысяч воинов. Владимирская Русь давно отвыкла от подобных трагедий! Братья-Всеволодовичи, ужаснувшись содеянному, заключили мир и впоследствии поддерживали между собой мирные отношения.

Один из них, Юрий, правил Владимирской Русью без малого четверть столетия (1212–1216 и 1218–1238 годы). При нем процветание Владимирской Руси продолжилось: полки Юрия Всеволодовича громили болгар, мордву и литовцев, натиск немецкого рыцарства на восток был приостановлен, продолжилось строительство каменных соборов, был основан Нижний Новгород. Юрий Всеволодович прослыл боголюбцем и нищелюбцем, неизменно покровительствовал Церкви. В XVII веке Русская церковь прославила его в лике святых. Фактически при нем в общих чертах продолжал существовать, пусть и в смягченном виде, владимирский автократизм, родившийся на византийской почве при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо.

В первой половине XIII века Владимирская Русь пребывала на грани создания крупного единого государства, скрепленного властью православного самодержца. Вторжение монголов в 1230-х годах искусственно прервало этот процесс и вновь погрузило Владимирскую Русь в пучину междоусобных распрей.

В 1238 году великий князь Владимирский Юрий Всеволодович пал с оружием в руках на реке Сить, защищая свою землю от завоевателей. Величественный Владимир и множество других русских городов подверглись страшному разорению. Место Юрия занял его младший брат, Ярослав Всеволодович, один из лучших полководцев того времени (великий князь Владимирский в 1238–1246 годах). Он постарался навести порядок в пылающих, разоренных, рушащихся в хаос землях Северо-Восточной Руси. Он же приложил все усилия, чтобы страна не разлетелась вдребезги под ударами с запада и востока: со стороны немцев, литвинов и особенно Орды.

Ордынские властители давали ярлык на великое княжение Владимирское, играя страстями честолюбцев, требуя покорности и тяжелейших выплат за право старшинства среди всех князей Владимирской Руси.

Северо-Восточная Русь оказалась в положении вассала Орды: здесь правили собственные князья, но они являлись ордынскими данниками, за поведением которых еще и приглядывали ордынские чиновники-баскаки. Если кто-либо из русских князей являл неподчинение, на Русь

⁵ Иными словами: Бог покорил ему всех, кто против него злоумышлял.

⁶ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. СПб., 1846. С. 184–185.

отправлялась карательная рать, вновь громившая города, выжигавшая села, угонявшая тысячи пленников.

С запада в этот момент усилился натиск агрессивного рыцарства, прежде всего шведов и немцев. Его удалось затормозить князю Александру Невскому (сыну Ярослава Всеволодовича), разбившему первых в 1240 году на реке Неве, а вторых в 1242 году на льду Чудского озера. Позднее он же наголову разгромил коалицию литовских князей, попытавшихся было разорить Северную Русь, воспользовавшись ее тяжелым состоянием после монгольского нашествия.

Поражение Руси в войнах с Батыем было результатом не только ее раздробленности, но и чудовищной мощи монгольской степной империи. Мудрый стратег, Александр Невский понимал, что пытаться противостоять ей, даже в союзе с незначительными разрозненными силами европейского рыцарства – безответственно. Новые битвы с Ордой могли привести только к одному – новым опустошениям Руси. И, сделавшись великим князем Владимирским (в 1252–1263 годах), он повел сложную игру. Русь исправно платила дань монголам, хотя ради этого князь принудил к покорности Новгород Великий, не задетый монгольским нашествием. В то же время Александр Невский противостоял попыткам исламизировать Русь, а также утвердить здесь тяжелейшие формы данничества, когда хозяевами положения становились чужеземные откупщики, жестоко выколачивавшие из русских последнее серебро. В 1262 году великий князь организовал восстание, охватившее множество городов, приведшее к изгнанию откупщиков и гибели (или крещению) сторонников ислама на Руси.

В 1263 году великий защитник Руси и православия ушел из жизни. В 1547 году он был причтен Русской церковью к лику святых.

Среди преемников Александра Невского был достойный продолжатель его дела – выдающийся полководец князь Дмитрий Переяславский, один из сыновей Александра (великий князь Владимирский в 1276–1281 и 1283–1293 годах). Однако его попытки поддержать во Владимирской Руси прежний порядок оказались сметены хаосом интриг, распрей и междоусобных столкновений.

Ордынские правители подпитывали конфликты между русскими князьями, не давая стране шансов на объединение. А Рюриковичи, близкие родственники, все до единого потомки Всеволода Большое Гнездо, без стыда и совести использовали отряды завоевателей для борьбы друг с другом.

В начале XIV века Владимирская Русь оказалась в отчаянном положении. Разоренная, раздробленная, обезлюдившаяся, она, казалось, уже никогда не обретет прежнего величия. Традиция единства и самодержавного правления, по крайней мере на первый взгляд, была растоптана. Древний Владимир оказался в страшной роли Киева: он сделался призом в военно-политической борьбе.

Но на закате Руси Владимирской появились новые центры силы, государи которых проявляли готовность побороться за новое объединение русских земель. Первой выступила Тверь, за нею Москва и Суздаль. Им суждено было столкнуться в соперничестве за наследие владимирского самодержавия.

Русь Владимирская постепенно превратилась в Русь Московскую. Уже при Дмитрие Донском (великий князь Владимирский в 1354–1359, 1363–1364 и 1364–1389⁷ годах), праправнучке Александра Невского, Москва сделалась безальтернативным центром объединения страны. И Орда начала получать от нее сильные удары. Особенно славен среди них тот, что был нанесен на поле Куликовом в 1380 году.

Итак, Русь Владимирская существовала два столетия: со второй половины XII века, от княжения Андрея Боголюбского, до второй половины XIV века, эпохи Дмитрия Донского. Она

⁷ В 1364 году произошла недолгая утрата права на великое княжение, полученного, а затем очень быстро утраченного Дмитрием Константиновичем из дома Суздальско-нижегородских князей.

была исторически единой областью с общей столицей – Владимиром, который, утратив положение подлинной столицы, всё же остался живым символом единства Северо-Восточной Руси. Она стала ядром будущей России, почвой, на которой поднялось единое Русское государство. Кроме того, Владимирская Русь – горнило, из пламени которого вышла Святая Русь – страна монахов-подвижников, просвещавших верой Христовой колоссальные пространства Севера. Наконец, Владимирская Русь хранила опыт византийской автократии, государственного строя истинной Империи. С течением времени он еще пригодится. Ни южная Русь, Киевская, Черниговская, Галицко-Волынская, ни вечевые республики севера ничего подобного не знали.

Идеи, которыми пользовались основатели владимирского автократизма, очевидно, имели не ордынское и не собственнорусское происхождение, а пришли из Константинополя. Для Византийской империи самодержавный порядок организации власти был естественным, давно установившимся. На Северо-Востоке Руси князья знали о нем от греческих представителей духовенства, прежде всего от архиереев, а также по дипломатическим и торговым каналам. Андрей Боголюбский, книжный человек и сам в какой-то степени духовный писатель, представлял его себе как минимум по хронографам и переводной правовой литературе.

Что же касается Всеволода Большое Гнездо, то он провел значительную часть отрочества в «Империи теплых морей», имея брачное свойство с царской династией Комнинов, правившей вплоть до 1185 года. Между тем Константинопольская империя периода царствования Мануила I Великого представляла собой блистательную «витрину достижений самодержавия». В пределах державы Комнинов процветала высокая культура, войска государя расширяли ее границы в разных направлениях, а сам император-витязь представлял собой пример деятельного и отважного монарха. Империя была связана с Русью отношениями воинских союзов, заключенных с разными князьями, а также общей религиозной почвой православия.

Для Владимирской Руси, как, впрочем, и для Руси в целом, на фоне всеобщей политической раздробленности главной скрепляющей и объединяющей силой стала Церковь. А она по-прежнему управлялась из Константинополя и, следовательно, постоянно возобновляла на русских землях идею, согласно которой Русь со всеми ее многочисленными князьями – нечто вроде дальней самоуправляющейся имперской провинции. Как видно из писем императора Иоанна VI Кантакузина митрополиту Феогносту 1347 года, в XIV веке официальное титулование русского митрополита полностью совпадало с титулованием митрополитов самой Империи.

В Константинополе, заметим, Владимирская Русь постоянно мыслилась как часть Империи, как своего рода «оторвавшийся фрагмент» лимеса, а ее князья могли учиться имперскому политическому опыту из первых рук и на полном основании видеть в себе часть мира «ромеев», то есть православных, располагающих собственной государственностью.

По всей видимости, Константинополь выступил в роли наставника Владимира в науке самодержавного правления. Иными словами, владимирский автократизм на уровне идейной основы был принят от могущественнейшей православной державы того времени и адаптирован к местным условиям. На исходе XIII и в XIV столетии он, придавленный ордынской политикой поощрения раздробленности на Руси, временно отошел в тень, но как ценный политический опыт сохранился в памяти нации, чтобы позднее стать основой для воздвижения России.

Итак, у Владимирской Руси был опыт единого правления, правления, подобного царскому, то есть по образцу константинопольских императоров. Помимо этого, был опыт противоположного свойства: страшных усобиц, слабости верховной власти, несамостоятельности великих князей, утесняемых ордынским обычаем раздавать ярлыки по произволу хана, утешенного подношениями или же ищущего способов сравить между собой князей «Русского улуса».

Когда начало строиться единое Русское государство, когда творцы его, Иван III Великий и Василий III, выбирали образ действий, драгоценный опыт Владимирской Руси оказался

востребован. Притом как отрицательный, так и положительный. Княжескую, по сути кровно-родственную, вольницу отринули, выжгли язву «семейного управления» Русью. Утвердилось единое государство. Один Бог, один царь, единый народ в руке царя. Таким стало Московское государство, Россия, страна, в которой мы живем.

А пока не родилась страна-великан, пока Русское царство лишь набухало на ветвях истории малой почкой, Святую Русь, Русь Владимирскую и Московскую требовалось защищать. Государям-полководцам, защищавшим ее, и посвящена эта книга.

Великий князь Ярослав Всеволодович

У князя Ярослава Всеволодовича судьба четырежды переламывалась, и он менялся – всерьез, по-настоящему.

Это была гибкая, постоянно развивающаяся личность. Человек, способный на сильный грех, но и на искреннее покаяние, и на подъем из глубины греха. Полководец от Бога, долго набравшийся опыта на своих и чужих поражениях, а затем вдруг взлетевший для величественного парения над полями битв, где он раз за разом переламывал обстоятельства в свою пользу и вырывал у врага победу. Государь, надевший на голову терновый венец правителя головешек и вытащивший свою землю из ничтожества, хаоса, разорения. Чем дольше он жил, тем горше складывались обстоятельства его княжения. Чем выше забирался, тем тяжелее ему приходилось. Но Ярослав Всеволодович, как хороший русский человек, впрягшись в воз, не отказывался от груза и выбирал правильные пути, пренебрегая путями легкими.

Есть в судьбе князя предзнаменование трудов, побед и мук его сына, Александра Невского. Оба счастливейшую пору пережили в те годы, когда жизнь заставляла их быть прежде всего полководцами, идти из битвы в битву, воздев меч, не щадить себя в дальних походах. Оба взошли на великокняжеский стол под запах гари и всюду вокруг себя видели неостывший пепел. Оба много горя и тягот приняли вместе с высшей властью. Оба честно несли бремя правления до могилы. И даже умерли в схожих обстоятельствах.

Отец как будто служил разведчиком жизни для сына...

Но сын взлетел выше.

В судьбе Ярослава Всеволодовича с необыкновенной точностью отразилась судьба всей Руси первой половины XIII столетия. Жизнь его сына выше общерусской судьбы. Она – идеал, может быть, надежда. Она уж точно образцова до такой степени, что всё общество в целом соответствовать столь чистому образцу не способно. А вот его отец, пусть и большого военного таланта человек, пусть и одаренный правитель, образцовой личностью никогда не был. Он грешен общими грехами русского общества, терзался общими с ним мучениями, каялся общим раскаянием, вновь грешил, вновь получал от Бога вместе со всей страной очередное, горшее страдание и, мучаясь, исправлялся. Может быть, Господь особенно любил его, потому что бил страшно, наотмашь. Вбивал что-то очень важное. Ломал, переделывал, опять ломал, опять переделывал... И сделал таким, каким надо для Руси.

Вот оно, самое важное: Ярослав Всеволодович совершенствовался через мучения и веру. Любви он получил мало и, как видно, холодно было ему с отрочества, если не с детства. Но сыну своему Александру он дал много любви. Много внимания, много отеческого попечения, помня, думается, чего сам оказался лишен. И тот вырос лучше отца.

Значит, еще и для того ломал Бог Ярослава Всеволодовича, чтобы тот для потомства своего сделался таким, каким надо.

Из Переяславля в Переяславль

Первые два десятилетия в жизни Ярослава Всеволодовича прошли в тени отца. Отец его, великий самовластец Всеволод Юрьевич, вошедший в историческую память Руси с прозвищем Большое Гнездо, использовал сына как фигуру в шахматах большой политики. Двигал, куда надо, снимал с доски, когда обстоятельства того требовали. Вновь выставлял – на другую клетку, если появлялась необходимость занять позицию верным человеком.

Ярославу Всеволодовичу отцова большая игра приносила дальние, ненадежные княжения, большие испытания и возможность набраться опыта в качестве политика и полководца.

Он родился в 1191 году и Всеволоду Большое Гнездо как наследник не требовался: пятый сын, на момент рождения – третий⁸. . . Надежд на великое княжение никаких. Зато для ведения политики на юге Руси отрок Ярослав оказался отличным живым инструментом. И, кажется, недополучил сын от отца любви, тепла, главное же – науки державной. Иначе говоря, умения править, воевать, судить. Трудно отделаться от впечатления, что отец, как говорится, не «ставил» на Ярослава, не видел в нем надежду и опору. А потому мог спокойно держать его в отдалении. Сын же приучился жить в холоде и принужден был самостоятельно осваивать ремесло правителя.

Не ставит на него отец? Так он сам на себя поставит и сам доберется до вершин.

Всеволод не хотел занимать Киев, хотя имел на это право. Он искал другого: оказывать влияние на политические расклады в южной Руси, иметь там свои плацдармы. В союзниках у него ходили смоленские Ростиславичи, в противниках – черниговские Ольговичи, а также рязанцы. Огромная Галицко-Волынская земля, жившая бурной, переменчивой жизнью, имела в себе и союзников, и противников Всеволода.

В десятилетнем возрасте Ярослав Всеволодович отправился княжить в богатом городе Переяславле-Русском⁹, третьем «по чести» на Юге Руси – после Киева и Чернигова. Отец женил его на половецкой княжне, отыскивая сыну союзников в степи. Брак состоялся, когда Ярославу было 14 лет. Половчанка умерла, не дав мужу детей. Зато второй брак подарил ему долгожданную семью и отпрысков.

Самостоятельные действия князя-отрока на первых порах не приносили ему удачи. Галич-Южный, город богатый, именитый, позвал Ярослава к себе на княжение. Тот долго советовался с родней и союзниками и до такой степени промедлил, что город пригласил иного князя – из числа врагов-Ольговичей.

Как только очередной Ольгович сел на великокняжеский престол в Киеве, Ярославу пришлось уйти со своего княжения: сильный противник теперь у себя под боком видеть его не хотел.

Изо всей долгой южнорусской эпопеи по-настоящему полезным для юного князя оказалось лишь одно событие. Вместе со старшими князьями из числа союзников отца он ходил в степь против половцев¹⁰. Этот масштабный поход 1204 года принес успех. Коалиция южнорусских князей сумела в нескольких боях нанести половцам поражения и отбить русских пленников. Для начинающего полководца опыт – поистине бесценный.

Итак, Юг Руси не дал Ярославу Всеволодовичу ни славы, ни авторитета. Скорее видно, что он действует как медлительный увалень.

Но на Юге он еще очень молод и только учится делам правления.

⁸ Двое сыновей Всеволода Большое Гнездо умерли до рождения Ярослава Всеволодовича.

⁹ Ныне Переяслав, на территории Украины; еще совсем недавно он именовался Переяславом-Хмельницким.

¹⁰ Это было до женитьбы на половецанке.

В 1209 году отец дал ему еще одно дальнейшее княжение – Рязань. Притом княжение опасное: рязанцы являлись традиционными противниками Всеволодова семейства. Рязань вела с Владимиром упорную борьбу. Оказалась покорена, но не смирилась. Бунтовала, была подавлена, однако искорки мятежа тлели и тлели в остывшей вроде бы печи рязанского неистовства. Незадолго до того, как Рязанское княжение досталось Ярославу, отец его узнал о новой угрозе со стороны Рязани. Тамошние князья завязали тайные переговоры с Черниговом, находившимся во враждебных отношениях с державой Всеволода. Князь пошел на Рязанщину с войсками, взял город Пронск, у стен самой Рязани едва умолен был не брать город на щит, увел в оковах весь рязанский княжеский дом и только тогда утвердил в качестве правителя своего сына Ярослава. Иными словами, родитель наделил отпрыска властью над смертельно опасным местом.

Чем был молодой князь для рязанцев? Последним шансом. «Либо вы покорны воле моей, которую я передаю вам через сына, – словно бы сообщал им Всеволод Большое Гнездо, – либо разорение и смерть».

Рязанцы не послушались.

Новые подданные целовали крест, а затем восстали и предали мучительной смерти доверенных людей молодого князя-чужака: их живыми засыпали землей в погребках. Тогда Всеволод вернулся, выпроводил рязанцев из их города, велел забрать с собой кое-какое имущество, а потом спалил Рязань дотла. Лишенных крова горожан князь отогнал во Владимир как пленников.

В этой истории Ярослав Всеволодович не сплеховал: он уцелел сам и вовремя вызвал отца с подмогой. «Увалень» научился действовать быстро... Как минимум для игр отца он сделался достаточно хорош. И, всего вернее, давно мечтал о собственных играх, еще не очень понимая, возможно, что некоторые княжеские игры приводят Русь к большим междоусобным войнам.

Впрочем, в ту пору такого рода «непонимание» являлось общим грехом огромной части русских князей. Особенно князей Южной Руси. Там состояние междоусобной войны к началу XIII столетия уже воспринимали как норму, а мир – как неожиданное и редкое счастье.

Итак, пока Ярослав Всеволодович утратил и Переяславль-Южный, и Рязань.

Но скоро ему достанется в качестве удела другой Переяславль – не Южный, а Залесский.

Трагедия Липицы

У любого великого народа есть собственный национальный миф. Это вовсе не сумма героических сказок, а нечто гораздо более значительное, если не сказать – жизненно важное для самого народа.

Национальный миф представляет собой устойчивый образ, который нация транслирует внутрь и вовне себя. Всегда и неизменно это сложный, динамично развивающийся образ, в нем нет ничего примитивного. Главное же в нем – стремление «коллективного сознания» огромных масс людей выглядеть определенным образом.

Конечно, в первую очередь роль строительного материала для национального мифа отводится победам на ратном поле, достижениям в сфере науки и культуры, проявлениям святости и нравственного величия. Но «биография» любого народа пестра: одними победами ее не наполнить, есть и поражения, и страницы нравственного падения, и века невежества, упадка... Если народ ничего не может извлечь из темных лет своей исторической судьбы, помимо почвы для самообвинений («вечно у нас...», «только у нас возможно подобное безобразие...», «веками не вылезаем из варварства...»), он обречен. Он непременно станет податливой глиной для других народов. Поэтому показателем духовной силы нации становится то, до какой степени она способна «перемалывать» трагедии своего прошлого и настоящего, включая их в национальный миф в облагороженном виде – глубоко продуманном, прочувствованном, переложеном на язык высокой культуры и прочной веры. По большому счету – сколь свойственно ей извлекать уроки из опыта предков и прикладывать это умение к чувству собственного достоинства.

Одна из величайших трагедий русского народа – кровавая битва на реке Липице, произошедшая в 1216 году. Апогей политической раздробленности Руси, пик междоусобных войн. Память ее черна...

Но ведь сумел же народ не только пережить Липицкое побоище, но и дать ему адекватную нравственную оценку. Сумели же и сами участники резни «переменить ум», вспоминая большую кровь того несчастного дня. Значит, механизмы создания национального мифа у русских работают как надо. Не худшим образом.

Одну из главных ролей сыграл в липицкой трагедии Ярослав Всеволодович. И тогда он, мягко говоря, не отличился как полководец.

Наследие великого самовластца

Корни липицкой трагедии уходят на годы и десятилетия вглубь истории.

Много лет огромным и могучим Владимиро-Суздальским княжеством правил Всеволод Юрьевич. Он искал единства для подвластных земель, устанавливал непрерываемое подчинение, умело вел войны и в то же время отличался крепкой верой, нищелюбием, благочестием.

Поистине идилическая картина! Великий справедливый правитель, благочестивый христианин, храбрый воин... Но к этой бочке меда придется добавить ложку дегтя: среди многочисленных добродетелей Всеволода Юрьевича не было одной, очень важной – отцовского внимания к детям. И дети его выросли жестокими гордецами, включая и нашего героя, Ярослава Всеволодовича. Именно поэтому после кончины Всеволода Юрьевича его колоссальная держава распалась на полунезависимые княжества, а земли Северной Руси, долго не знавшие междоусобных войн, оказались залиты кровью...

Не напрасно ему дали прозвище Большое Гнездо: он дал жизнь более чем десятку детей, из них одних лишь сыновей – восемь! К моменту, когда немолодой князь почувствовал наступление последнего срока, в живых оставались шестеро сыновей. А долг перед родом требовал обеспечить отпрысков честью и богатством. Следовательно – дать им княжения. Старший сын, Константин, не хотел деления Владимиро-Суздальской земли на части, требовал себе всей державы. Но родитель, осердясь, решил иначе. И вот получил от отца Константин города Ростов и Ярославль, а Юрий – Суздаль, Владимир (столицу княжества) и формальное первенство среди потомков Всеволода, хотя и уступал годами Константину. Так разъяренный отец в 1212 году, на смертном одре, наказал строптивого сына. Константин проявлял государственную прозорливость, но шел против семейных устоев, против воли отца и при жизни родителя не желал смягчаться...

Следующему сыну, Ярославу, достался Переяславль-Залесский¹¹. Значительный город, богатый, растущий¹². Иначе говоря, Ярославу Всеволодовичу достался почетный удел, пусть и не первостепенный по значению своему.

Велика была Владимиро-Суздальская земля, множество богатых городов существовало в ней. Казалось бы, каждому из Всеволодовичей хватит богатства и чести, каждый получит свой удел, где сможет жить мирно и счастливо!

Но вышло не так. Великая гордыня, взращенная еще при жизни отца, пышным цветом расцвела в душах его отпрысков. А гордыня – мать прочим грехам. От нее и жестокость, и ложь, и корысть, и тщеславие...

Вот так и с Ярославом Всеволодовичем: пожил в холоде душевном, побыл второстепенной фигурой в играх отца, возжелал собственных игр. И набрался гордыни, возомнив о себе как о большом игроке Большой игры.

Вскоре после кончины Всеволода Юрьевича сыновья его передрались. Несколько раз они поднимали оружие друг против друга – родные братья! До поры воля отца и воля самой земли, то есть сильнейших ее городов, удерживала на престоле Юрия Всеволодовича. Константин закрепился в Ростове, а забрать себе Владимир и присвоить первенство он не мог. Но не мог и успокоиться.

Гордыня не давала ему смириться с поражением. Как же так? Ведь он старше Юрия! Он должен восседать на великокняжеском престоле во Владимире! Нельзя терпеть такую обиду!

Случай помог ему. И не только случай, но и суровый нрав другого младшего брата – Ярослава Всеволодовича.

¹¹ Более древнее название города – Переяславль-Залесский, более новое – Переславль-Залесский.

¹² Подробнее о Переяславле-Залесском см. в [очерке, посвященном Дмитрию Переяславскому](#).

Начало большой войны

Большая война пришла на Владимиро-Суздальскую землю издалека. Приближаясь, она с каждым шагом подогревала свирепость в сердцах. Каждый шаг ее – новая кровь, новые смерти...

В ту пору (с 1215 года) Ярослав Всеволодович правил в Новгороде Великом. Как и отец, он был по характеру самовластцем, пожелал расправиться со своими недоброжелателями в среде новгородского боярства, а новгородцы, хранившие свою вольность как зеницу ока, этого не любили. Они скоро отказали Ярославу в княжении, то есть попросту прогнали его. Ожесточившись, Ярослав арестовал новгородских купцов и закрыл своими ратями дороги, по которым на Новгородчину с юга подвозили хлеб, вызвав тем самым большой голод. Поступал он безо всякого милосердия... Много умерло строптивых новгородцев.

Игрок. Гордец. Дерзец.

Правитель, равнодушный к тому, сколь дорого стоит жизнь русского человека. Исторический персонаж, не вызывающий пока ни малейшего сочувствия.

Отец к нему был прохладен, так и сам он сделался холоден к другим людям. Ими можно играть-поигрывать.

Тогда новгородское вече призвало известного полководца, князя с натурой кондотьера, Мстислава Удатного. Ему дали княжение в Новгороде, но потребовали избавить город и от обиды, нанесенной Ярославом, и от угрозы с его стороны. Мстислав создал коалицию, куда вошли князь Псковский и князь Смоленский с дружинами. Февраль 1216 года прошел в боевых приготовлениях союзников. Март застал их в дороге.

Зарождалась та самая большая война...

Притом *пока* ею не были затронуты старшие из Всеволодовичей – Константин и Юрий. Как только черная тень войны падет и на их земли, боевые действия приобретут чудовищный масштаб. Половина Руси окажется втянутой в них.

Двинувшись в поход, Мстислав попутно разорял русские земли. Обиженные новгородцы свирепствовали без пощады. Запылала Дубна, огонь поглотил иные малые городки, вот уже разграблено всё Верхнее Поволжье. Добиваясь справедливости, новгородцы с союзниками не щадили ни правого, ни виноватого.

А теперь остановимся на миг и зададимся вопросом: кто и с кем воюет? Опять русские с русскими. Опять православные с православными. Более того, тесть с зятем! Ибо дочь Мстислава, Феодосия, ранее вышла замуж за Ярослава...

Позорно и страшно!

То ли еще будет. Это лишь начало...

Рать Мстислава Удатного явилась во Владимиро-Суздальскую землю, подступилась к Переяславлю-Залесскому, владению князя Ярослава. Но самого Ярослава там не было. Он пришел к первенствующему князю среди правителей региона, Юрию Всеволодовичу, и попросил управы на разбушевавшихся новгородцев. Тот не отказал.

Всю силу громадного Владимиро-Суздальского княжества захотел Юрий поставить в строй. Помимо дружинников, собирал он ополченцев из городов и сел, вызвал отряды из союзных Мурома и Городца. Но ростовцы на его призыв не явились. Их правитель, князь Константин, определил для себя: вот удобный случай отомстить за прежнюю обиду и забрать себе престол Юрия. Поэтому полки Константина Ростовского пришли под стяг Мстислава Удатного.

Брат старший вооружился против братьев младших, изготовился кровь их пролить, словно Каин, погубивший Авеля. «Страшно чудо и дивно, братье! – восклицает летописец. – Пошел брат на брата, рабы на господина, а господин на рабов!»

От войны повеяло ароматом катастрофы...

Без милосердия, без уступок, без пощады

У реки Липицы, близ города Юрьева-Польского, встали друг против друга две великие армии, каких давно не видывала Северо-Восточная Русь. Не половцы явились за добычей, не шведы и не литвины. Полки Владимира, Суздаля, Переяславля-Залесского, Юрьева, Мурома и Городца вышли против полков Новгорода, Смоленска, Пскова и Ростова. С точки зрения современности – дико, нелепо: областные центры одной державы ведут между собою войну! Только нет еще в XIII веке никакой единой державы, а есть россыпь вечевых республик и княжеств, разобщенных враждою своих правителей. И пусть эти правители – родичи между собой, вражда от того ничуть не уменьшается. Сам дух междоусобной борьбы был столь характерным для того времени, что его, в сущности, не считали чем-то порочным, неправильным. Этот грех являлся общим для целого слоя древнерусского общества, а именно княжеско-дружинной части социума.

Но братоубийственное кровопролитие все еще можно остановить. Две коалиции стоят на холмах, меж которыми, в низинах, журчат весенние ручьи и зацветает дебрь – густые кустарники. Природа пробуждается, теплый апрель властно шествует по земле, реки вскрылись ото льда, трава пробивается из-под земли. Совсем недавно Пасху праздновала вся Русская земля.

Никому не хочется умирать.

Выход из ситуации через переговоры многими во враждующих лагерях воспринимается как вполне приемлемый. И две стороны начинают торг. Но сколько высокомерия во взаимных требованиях! Никто не желает уступать даже в малом. Летопись сохранила подробное описание речей, прозвучавших тогда. Углубившись в него, невозможно отделаться от впечатления, что обе стороны ищут способа не примириться, а побольнее уколоть друга.

Новгородско-ростовская коалиция дерзко требует отдать Владимирский престол Константину, по сути «выдернув» его из-под законного великого князя Юрия. А младшие Всеволодовичи горделиво ободряют себя древней силой Суздальской земли, дескать, никто не справится с нами: «Ни было того ни при прадедах, ни при деде, ни при отце... чтобы кто-то вошел ратью в сильную Суздальскую землю и вышел оттуда цел, хотя бы и вся Русская земля – и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская – никакого против этой силы успеха не добьется!» Они дают посланцам враждебного лагеря, пришедшим от их родного брата Константина, резкий ответ: «Победи нас, и тебе вся земля достанется!»¹³

Наконец Мстислав Удатный и его воинство переходят в наступление. 21 апреля 1216 года грянула битва.

Лихой военачальник, Мстислав усвоил дикое правило междоусобных ратоборцев Южной Руси «бить без пощады». Здесь, во Владимиро-Суздальской земле княжеские убоицы случались гораздо реже, чем на Юге, да и отличались гораздо меньшей степенью свирепости, немилосердия, враждебности. Владимиро-Суздальское княжество отвыкло от бесконечных свар, сотрясавших иные русские области... Поэтому зверски жестокий Мстислав устранил своими действиями неприятельские дружины. Проезжая на коне сквозь строй вражеских воинов, Мстислав досыта рубил их секирой...

Перед его бесстрашием, а пуще того – перед его злобой никто не мог устоять.

Полки владимирские и переяславские дрогнули. Бежали с поля битвы Юрий с Ярославом, бросая оружие и доспехи. В 1808 году крестьянки, собирая орехи неподалеку от реки Колокши под Юрьевом-Польским, нашли проржавелую кольчугу и шлем с драгоценными украшениями: серебряными позолоченными накладками. Самая крупная накладка – пластина

¹³ Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1848. С. 22.

с образом святого архангела Михаила, предводителя небесного воинства, и наведенной чернью молитвой: некий Феодор, очевидно, владелец шлема, молил о помощи Господня архистратига Михаила. Феодор – крестильное имя князя Ярослава Всеволодовича. Явно, это он, спасаясь от смерти и плена, бросил доспехи и больше не вернулся за ними в круговерти политической борьбы. Загоняя коней, унеслись тогда Юрий и Ярослав под спасительную защиту крепостных стен. Первый укрылся во Владимире, второй – в столице своего княжения Переяславле-Залеском. Бежали их союзники князя Муромские. Долго длилась резня. Долго победители истребляли воинство, оставшееся без вождей.

Торжествующие сторонники Мстислава с Константином ворвались во вражеский лагерь и принялись считать трофеи: 30 стягов захватили, 100 труб и бубнов, 60 пленников! О, каков триумф!

А на земле лежало девять тысяч убитых, трупы плыли во множестве по реке, мертвцов никто не погребал¹⁴. Раненые стонали от боли, расплзаясь по кустам, и некому было помочь им...

Таков главный итог Липицкой битвы... Нет в ней ни правых, ни виноватых, а есть лишь дерзкие гордецы и беспощадные убийцы – с обеих сторон.

Что делать с этим в нашей истории? Только ли оплакать? Только ли увидеть неизбывную, неисправимую тьму? Ведь столетиями шли у нас междоусобные войны, волна за волной накачивались распри, беспощадно сжигались города, и даже сам златоверхий Киев подвергался безжалостным разгромам! Липицкая бойня – всего лишь вершина айсберга, пусть и устрашающая в своем багровом величии. Как будто весь народ был веками отмечен каким-то тяжким тайным пороком, не дававшим выйти из темных вод разобщения...

Нет, слава Богу, даже в этой черной странице русской истории виден отблеск будущего света. Господь тяжело карает, но никогда не оставляет детей своих без любви и надежды.

¹⁴ Таковы данные новгородского летописания. Возможно, они преувеличены. Но, во всяком случае, битва имела значительный масштаб и принесла большие потери побежденным. Так или иначе, пролитой крови хватало.

Надежда

Оба главных «героя» Липицкой битвы – Константин и Юрий Всеволодовичи – устрашились содеянного. Всё же оба верили в Христа, а потому хорошо понимали, на какой дьявольский соблазн поддались, какой грех лег на их души. И они остановили свару, помирились.

Юрий без боя сдал Константину столичный Владимир, и тот воссел на великокняжеском престоле. Младшие братья «били челом» Константину с его союзниками, прося мира и милости. Новый великий князь поступил со своими братьями снисходительно. Не изгнал из княжества, не заточил. Юрию он дал во владение Городец, а вскоре пожаловал богатый Суздаль. Более того, Константин обещал младшему брату, что Владимир и великое княжение отойдут ему, как только завершится земной срок самого Константина.

В ответ Юрий заверил старшего брата, что за сыновьями его сохранятся богатые уделы – Ростов и Ярославль. Племянникам своим Юрий должен быть стать «в отца место», а они, в свою очередь, обязаны были почитать его и слушаться во всем.

Оба, Константин и Юрий, выполнили свои обещания. Без войны, без крови, без свар совершались в дальнейшем дела престолонаследия на просторах Владимиро-Суздальского княжества.

Более того, оба переменили свой гордый нрав. Занимая великокняжеский престол, сначала Константин, потом Юрий вели себя миролюбиво и благочестиво.

Ярослав Всеволодович, утраченный, сломленный, побитый врагами своими, а более того принявший битье от Бога за гордыню, смирился вместе с Юрием. Склонил голову. И принял прощение. Вернулся к нему и Переяславль-Залесский.

Константин правил менее трех лет, но за это время построил несколько больших храмов. Сыновьям своим он завещал любить друг друга, бояться Бога и соблюдать Его заповеди, укреплять Церковь, творить милостыню, слушать книжное поучение. Вот его слова: «Вы же, чада мои, имейте страх Божий в себе. . . старейших слушайте и чтите, и между собою в мире и любви живите, и со всеми мир и любовь имейте. . . и чужого предела похитить не мыслите, но довольны будьте данным вам наследием. . .»¹⁵ Та правда, которую постиг князь, видя тысячи окровавленных тел, ныне передавалась правителем Владимирской Руси наследникам как истинное сокровище. Победитель ощутил горечь собственной победы и запрещал сыновьям идти путем, который когда-то радовал и обнадеживал его самого, но в итоге оказался ложным.

Юрий продолжил традицию строительства великолепных каменных церквей, успешно оборонял Русь от волжских болгар, всегда был внимателен к нуждам Церкви. Став государем Владимирской Руси, он проявил себя не как завоеватель, не как неутомимый искатель чужих земель, но как строитель. Именно он основал Нижний Новгород. В 1224 году у него случился тяжелый и очень обидный для него лично конфликт с новгородцами; у князя был соблазн применить вооруженную силу; всё к тому шло, но в последний момент он остановился и предпочел решить дело миром. В 1238 году князь принял смерть за Отечество, сражаясь с монголо-татарскими захватчиками. Четыреста лет спустя Русская церковь канонизировала Юрия Всеволодовича.

Очевидно, липицкая трагедия обернулась для обоих тем уроком, который стоил дорого, но всё же пошел впрок.

А для Руси Липицкая битва стала общим страшным воспоминанием. Избавиться от угрозы ее повтора русский народ мог только одним способом – объединившись, преодолев разобщение. И процесс объединения начнется. Медленно-медленно пойдет он – страшно мешать

¹⁵ Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. X. М., 2000. С. 80. С небольшими разночтениями то же самое см.: Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. СПб., 1846. С. 187–188.

ему будет власть Орды, которая установится через два с лишним десятилетия после Липицы. Потребуется три века, чтобы на месте аморфного крошева больших и малых княжеств появилась Россия, одна сильная держава на всех.

И подталкивать к объединению будет... память Липицы, сохраненная в летописях. Память огромного греха, совершенного из-за гордыни и требующего «перемены ума» от всего дома Рюриковичей. Память ужасающая, но драгоценная.

Через пять лет после сражения на Липице у Ярослава Всеволодовича родится сын Александр, будущий победитель шведов на Неве и немцев на Чудском озере. У отца будет достаточно времени, чтобы передать отпрыску науку державных дел. И, несомненно, среди прочего он расскажет о Липице. Ныне можно лишь представить себе, каков был разговор мальчика с умудренным родителем.

Возможно, их беседа происходила вот так.

Тесные дубовые палаты княжеские в Переяславле-Залесском. Сумерки. На столе горят свечи, на стенах – масляные светильники. Трепещут маленькие огоньки, и в танце теней на стенах, словно в рыболовной сети, бьется рыба-тайна. Отец сидит в кресле, украшенном речным жемчугом и резьбой по кости, перед ним стоит сын-отрок, внимающий каждому слову. Ладонь Ярослава Всеволодовича лежит на рукописном Евангелии в серебряных ризах с самоцветными камнями.

– Сыне... хочу поведать тебе о крови большой, о беде и о грехе нашем... Моем и братии моей родной. Кое-кто из нас уже закончил срок земной и предстал небесному Судии на последнее судилище, иные живы. Все мы, кто жив, храним память Липицы.

– Липица? Липица?. Что-то знакомое. Но не помню, отец... Имя женщины, имя реки, имя города?

Ярослав Всеволодович кивает:

– Близ реки Липицы отец твой и брат его старший Юрий, нынешний князь великий Владимирский, биты были в великой битве. Люди их... наши люди... пали... изрублены, иссечены, исколоты...

Княжич удивленно встряхивает головой:

– Неужто тебя, отец, побил кто-нибудь? Да во всем свете не найти такого сокола сечи, как ты!

– Тише! Будь внимателен. Бог меня побил рукою брата моего Константина и тестя моего Мстислава, великого воителя. Оставил меня Бог и поразил, и руки Свои на плечи мои возложил и поверг наземь по грехом моим.

Княжич глядел на отца с удивлением, но не прерывал его. Родитель велел быть внимательным, и отрок не решался более задавать ему вопросы.

– Итак, мы подняли руку на родную кровь, мы затеяли раздор. Они, конечно, тоже... но им Бог судья, а для меня суд уместен не только Божий, но и мой собственный. Бог показал мне, кто я, чего я стою со всеми дружинниками моими и всей удалью моей. А смолоду я был резв, удал... И скакал с боя тоже резво, аж шлем дорогой, подарок старшего брата моего, сбросил. Так слушай же меня...

Ярослав Всеволодович посмотрел на сына, желая удостовериться, что тот ничего не упустит. Александр глядел на него неотрывно.

– Сыне... на своих не поднимай руку. Со своими не воюй никогда, хоть и будешь кем-то из них обижен. Не твори ссор и котор, не мсти, не начинай борьбы междоусобной, ни с кем. В единстве сила. Тот дом стоит прочно, в коем одна стена с другой не воюет. А кто затеет свару, вынет меч из ножен для такового дела – не против половцев, не против немцев или шведов или же литвы, а против своих, тот от Господа проклят. Слышишь ли меня, понимаешь ли меня?!

– Да, отец. Всё у меня будет, как ты сказал, – тихим голосом, но твердо отвечивал княжич.

– Не я. Сам Бог сказал. Послушай из Писания слов божественных несколько, от Матфея. Сказал Иисус: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит». Услышал? Помни. Я... не сразу понял, и мне это дорого обошлось. Познал дни срама, дни горя и дни скитаний.

Александр был послушен Ярославу Всеволодовичу, как при жизни отца, так и по смерти его.

Что напишут о Липицкой битве русские летописцы через много веков после нее? «Много кровопролития сотворилось... Преблагой же Бог не попустил прочему кровопролитию быти, но все умирились, и междоусобная брань тогда упразднилась...» В другой летописи: «Искони злой враг дьявол... воздвиг некую злую котору [ссору. – Д. В.] между князьями, сыновьями Всеволодовыми: Константином и Юрием, и Ярославом. И бились у Юрьева, и одолел Константин. Но... Бог и крест честной, и молитвы отца их и деда ввели их в великую любовь. И сел Константин во Владимире на престоле, а Юрий в Суздале. И была радость великая в земле Суздальской, а дьявол один плакал о своей погибели»¹⁶. Это значит: был совершен великий грех, великое горе приведено на Русь руками ее же правителей. Но любой грех исправим, была бы воля к покаянию и отказу от соблазнов. Великие князья Рюрикова рода, сыновья Всеволода Большое Гнездо, эту волю в себе отыскивали, примирившись друг с другом.

Следовательно, народ русский, имея в себе страшные пороки, способен перебарывать их и становиться лучше.

Длительные сроки нужны для таких перемен, но наградой за труд служит нравственное возвышение.

¹⁶ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. СПб., 1846. С. 186.

Годы смирения

Вот и следующий перелом в жизни Ярослава: дерзость его и горделивость переломлены смирением.

До 1223 года князь тихо сидел в своем Переяславле и не вмешивался в дела большой политики. Переживал тяжелое поражение, осмысливал печальную свою судьбу...

Наверное, раскаивался.

Правда, иногда посылал своих дружинников в дальние походы – на волжских булгар, на Полоцк, поскольку его просили о поддержке союзники, но сам с воинством не ходил.

Мир на какое-то время установился в сердце князя.

Наверное, это очень важный период в жизни Ярослава Всеволодовича, пусть и негромкий, не овеянный славой побед. Он как будто лишился силы и копил ее заново, наслаждаясь мирной семейной жизнью, радуясь рождению сыновей. Именно тогда появился на свет самый известный из его отпрысков – княжич Александр.

Что происходило тогда с Ярославом Всеволодовичем? Источники не доносят сведений о душевном состоянии князя. Судя по тому, что он на протяжении многих лет бережется от участия в воинских предприятиях, молодечество слепо-жестокое резвеца покинуло его. Он довольствуется тем, что отдал ему под руку сам Господь. Успокоился. Тишь кругом, мир на Владимирской Руси...

Может быть, князь начинает понимать, что уповать на Бога вернее, нежели уповать на силу дружин и собственную отвагу. Может быть. Бог показал ему и кару, и милость, приучая слушать Себя.

Другое дело, что Ярослав Всеволодович – государственный человек. Война и политика у него в крови. К ним он предназначен от рождения. Поэтому до какой бы степени князь ни смирился, а тяга к Большой игре внутри его все равно останется. Более того, заматерееет. Прежние ошибки позволяют разумному человеку более не бросаться очертя голову в авантюры, наведут его на мысль, что следует беречь то, чем владеешь, и не рисковать насущно необходимым ради полезного, но избыточного.

Смирившийся князь – всё равно князь.

Но потом новгородцы позвали его к себе на княжение, и Ярослав Всеволодович переменялся в третий раз.

Литвины и немцы: кто опаснее?

Повзрослевший, набравшийся опыта правитель оказался дивно хорош в качестве полководца. Как будто совершенно иной человек выходил в поле, атаковал и беспощадно громил врага. 1220-е и 1230-е годы – время, когда воинский талант его расцвел необыкновенно и принес князю громкую славу.

Княжение в Новгороде с первых дней стало большим испытанием для князя. В 1216-м, на Липице, он бился против войска, значительную часть которого составляли новгородцы. Притом новгородцы, уже отведавшие его крутого нрава и осознанно воспринимавшие Ярослава Всеволодовича как врага своего. Новая встреча обещала новые возможности, но дружеской она изначально быть не могла.

Современный историк Д. Г. Хрусталева остроумно отметил: «Семь лет прошло после липицкого разгрома, и вот князь опять в Новгороде. Как на него смотрели ветераны, у Липицы голышом кидавшиеся в бой, чтоб его же и убить? Время лечило, и выбирать особенно не приходилось. У Новгорода были сложности в Прибалтике, где завелись и окрепли немецкие колонисты. В то же время южнорусские князья впервые столкнулись с монгольским экспедиционным корпусом и неожиданно были разгромлены кочевниками на реке Калке. А Ярослав в эти дни прибыл в Новгород и проявил исключительную энергию. Возможно, многим казалось, что он учел ошибки молодости...»¹⁷

А может быть, иные мысли бродили по умам: «Уже поучили его когда-то... Будет знать свое место, теперь не зазнается и не зарвется. Авось полезен будет Господину Великому Новгороду».

Ярослав Всеволодович стал полезен, но игрушечным князем-подручником так и не сделался. Не в его натуре. Смирился, но воли не утратил.

Северная столица Руси, Новгород Великий, с середины XII века жила на правах города вольного, то есть города, который фактически стал центром самостоятельного государства. И это государство имело республиканскую природу. Князя сюда приглашали как вождя воинства и арбитра в самых тяжелых, самых масштабных судебных тяжбах, когда для справедливого решения дела требовалась «внешняя» точка зрения. Князь не имел возможности решать: ведет ли Новгород войну или же он заключает мир, куда пойдет войско, изготовившееся к походу, как собирать налоги и на что их тратить, какие законы вводить и какие отменять. Он получал право голоса в делах Новгородской республики, но голос его никогда не считался главенствующим.

Приглашенному правителю всегда могли сказать: «Княже, вот твоя воля, а вот наша. И будет всё по нашей». А если он сопротивлялся, то ему могли ответить на пределе вежливости: «Вот тебе, княже, путь чист». Это означало не просто «убирайся», а нечто гораздо более серьезное: князя более не хотят и не удерживают в городе, город наймет другого князя; но его пока отпускают с миром; а если он начнет упираться, то ворота перед ним захлопнутся, и далее никто не гарантирует ему ни жизни, ни здоровья, ни сохранности имущества.

Но князья всё же с охотой принимали предложения новгородцев прийти к ним на службу (а князь порой именно служил городу, особенно если это был слабый князь): республика очень хорошо платила.

Новгород какое-то время был, по удачному выражению историка Н. С. Борисова, «банком всея Руси». Сундуки в городской казне ломались от серебра. Один из крупнейших центров балтийской торговли, город на Волхове богател год от года. Лодии новгородские плавали по рекам и морям в дальние края, предлагали русский товар: меха, воск, лен, кожу, ворвань –

¹⁷ Хрусталева Д. Г. Ярослав последний и конец Киевской Руси // Русский Мир. гл. Октябрь 2020. URL: <https://rusmir.media/2020/10/05/yaroslav>; дата обращения 2. 12. 2021.

жир морских животных. А купцы иноземные привозили вина, сукно, янтарь, медь и серебро. Особенно много оставалось в Новгороде серебра, поскольку не мог иностранный торговец расплатиться за новгородские товары своими товарами, вот и приходилось доплачивать звонкой монетой или слитками драгоценного металла. Дорогих мехов всегда было в достатке у новгородцев. Ведь Новгороду подчинялись земли на сотни километров к северу и востоку, и там они брали дань мехами.

Новгород управлялся администрацией, которую избирали на вече – собрании «золотых поясов», то есть родов боярских. Вече, например, определяло, кто будет посадником и тысяцким. Первый из них являлся своего рода «президентом» республики, притом не только выборным, но и сменяемым. Второй возглавлял городское ополчение и имел право суда по торговым делам. Если вечевики не могли мирно решить, кому вручить власть, они разбивались на враждующие лагеря и сталкивались в жестоких схватках. Тут уже шли в ход и нож, и дубина, и кистень. Излюбленным местом для подобного рода стычек являлся мост через реку Волхов, делившую город на две части. Но при всем обилии подобного рода стычек за несколько веков самостоятельной истории Новгородская держава не утратила целостности. Вечевики нередко дрались, но потом всё же мирились.

Духовной властью на всей бескрайней территории республики обладал архиепископ Новгородский. По главному соборному храму города всю республику порой называли Домом святой Софии.

Князь, приходивший в Новгород, пытался, бывало, жить по обычаям остальной Руси. А там воля княжеская имела силу закона. Волны бурного вечевого моря вызывали у пришельца раздражение и неприязнь... Но бояре новгородские не желали проявлять послушание.

Когда происходило открытое столкновение интересов, и князь становился уже не слугой, а противником Новгорода, конфликт мог иметь два исхода.

Либо князь смирился с тем, что его прогоняли, – в том, конечно, случае, когда не имел ресурсов для борьбы. Но если это был великий князь Владимирский, старший из князей Северо-Восточной Руси, или же ставленник великого князя Владимирского (сын, племянник, младший брат), тогда совсем другое дело. В этом случае Новгороду угрожало вторжение полков с «Низовской земли». Более того, недовольный великий князь мог ударить по уязвимому месту боярской республики – занять Торжок и перекрыть подвоз хлеба с юга. Своего у Новгорода было очень мало. Без привозного же вечевое государство рисковало весьма скоро столкнуться с проблемой голода.

И тогда, бывало, Дом святой Софии отступал. Изъявлял готовность и сам «послужить» великому князю. Такое случалось нечасто: даже и среди великих князей не всякий решался вступить в войну против могучей и богатой вечевой республики...

Ярослав Всеволодович подходил к Господину Великому Новгороду с разных позиций: то как суровый властитель, то как преданный служилец. То скручивал в бараний рог, то уступал, отступал. Князь и город то боролись друг с другом, то обнимались, притом иной раз трудно было понять, перешло ли уже объятие в захват или это пока еще именно дружеское объятие.

Начал, правда, карьеру самостоятельного полководца Ярослав Всеволодович довольно скромно. Под 1223 годом Новгородская летопись сообщает: «Приде князь Ярослав в Новгород, и рады быша новгородцы. Воеваша литва около Торопца, и гонися по них Ярослав с новгородцы до Всята, не угони их...»¹⁸ На этот поход словно падает тень будущего. Маленький город Усвят – камень преткновения в вооруженном противоборстве Руси с литвой. Еще встретятся в этом месте, очень неудобном для отступления на запад, русские дружинники и литовские ратники при том же Ярославе Всеволодовиче, а потом при его сыне Александре Яро-

¹⁸ Новгородская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1841. С. 39.

славиче. Но сейчас – несчастье: «гнал, но не догнал» означает скверную судьбу для русских пленников, ведь их не удалось отбить.

Но уж хотя бы отбросил чужое воинство.

Зато следующий ход князя несколько удачнее. В том же году «...приде князь Ярослав от брата и иде со всею областью к Кольваню. И повоева всю землю Чудьскую, а полона приведе без числа, но города не взяша. Злата много взяша, и придоша вси здравы»¹⁹. Явно новгородцы довольны. Коллективная душа их, столь же сребролюбием пронизанная, сколь и свободой, с чувством Русского Карфагена оценивает поход: «Окупил себя! Столько золота! А город... может, в следующий раз». Угодил, угодил Ярослав Всеволодович вечевой республике.

Военно-политический эффект похода был явно ниже «экономического». Немецкое рыцарство и подданные датского короля «подавливали» на русские позиции в Прибалтике: расширяли плацдармы, подчиняли местное население, легко парировали неспешное, явное не успевающее за развитием событий противодействие Новгородской вечевой державы. Русские отряды, союзные чуды, уничтожались. Русских ратников иной раз вешали напоказ. Конечно, в этих условиях Ярослав, прибывший во главе свежих полков из Суздальской земли, мог решительным контрнаступлением разрушить планы противника. Немцы побаивались его, считая, что он привел двадцать тысяч коалиционного войска. Это, думается, преувеличение, однако угроза ответного удара на тот момент воспринималась завоевателями серьезно.

Ярослав Всеволодович ударил на Кольвань (современный Таллин), которую датский король держал давно (с 1219 года) и твердо. Сам князь, вероятно, устремился бы с войсками по другому маршруту – отбивать то, что завоевано немецким рыцарством недавно: шанс вырвать области, власть над которыми была еще шаткой, выглядел предпочтительнее. Но решал не он один, всякое решение Ярослава Всеволодовича корректировалось новгородской госпбдой. Видимо, богатства захваченного датчанами города и окружающей его области кружили голову вечевикам. К тому же прижимистый Русский Карфаген любил, чтобы сама война кормила войну. А союзники среди чуды у Господина Великого Новгорода были и здесь: местные племена активно сопротивлялись захватчикам. Полки Ярослава Всеволодовича шли по чудской земле, *но не против воли самих чудинов*.

У князя имелось два потенциальных объекта для удара: немецкая Рига и датская Кольвань. Второй город располагался ближе и, вероятно, воспринимался в Новгороде как соперник по торговым делам. Это и решило, надо полагать, судьбу похода.

Удар на Кольвань сопровождался осадой города, которая завершилась безуспешно для Ярослава Всеволодовича. Таким образом, ликвидировать очаг скандинавского присутствия в непосредственной близости от новгородских земель не удалось. Имеет смысл сказать со всей определенностью: в политическом плане поход оказался бесплоден. Разве что полки новгородские и суздальские показали силу Руси, пригрозили, устроили... не более того. Успех, но явно неполный, недостаточный.

Итак, Новгород остался доволен, а князь – нет. Он лучше понимал: экспансия немцев и скандинавов продолжится. Надо бить на уничтожение, пока хватает сил, иначе враг закрепится, и его уже, что называется, не сковырнешь. Однако вечевики относились к подобного рода угрозам до странности расслабленно. Воевать... это ведь прежде всего обогащаться.

Время показало: высокородная аристократия Русского Карфагена, у которой сундуки до краев наполнены мехами, серебром, золотом, просчиталась. И воевать впоследствии пришлось, защищая свое, а не посягая на чужое. Если бы вечевая республика сподобилась бить немцев и подданных датского короля при самом начале их укрепления в Прибалтике, возможно, им в принципе не удалось бы пустить корни в регионе. Но им удалось. И тогда войны с ними превратились в тяжкую, рискованную работу. А порой оборачивались бедствием.

¹⁹ Новгородская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1841. С. 39.

Ярослав Всеволодович, как видно, с досады, на время покинул новгородское княжение. Но скоро вернулся. Город как будто магнетически притягивал его, да и сам к нему тянулся: полюбить князя тут не могли очень долго – крутенок! – но чувствовали в нем инстинкт воителя, конкистадора. А значит, и хорошего защитника, и хорошего вождя для завоевательных действий. Севернее Новгородской республики простирались земли карельских и финских племен – идеальное поле для экспансии. И новгородская господа одновременно со страхом и вождением прирожденных политиков чуяла: для серьезного дела этот – в самый раз, этот – не подведёт, этот – настоящий большой игрок... а не как раньше.

В Ярославле Всеволодовиче новгородских времен действительно прорезался матерый большой игрок, то есть произошло то, чего ему, как политику, полководцу, да и просто личности, ранее не хватало.

У Господина Великого Новгорода в ту пору имелось много врагов: шведы, немцы, литва, чудь (эсты в первую очередь), финские племена, татары скоро появятся, а при дурном сложении обстоятельств противником может стать и какой-нибудь русский князь. Хотя бы и тот же Ярослав Всеволодович. Сегодня он храбро бьется с неприятелями новгородцев, а завтра, может быть, поссорится с республикой и запрет ей подвоз хлеба с южных земель: своего хлеба у новгородцев, как уже говорилось, маловато, и голод туго стянет горло прежних друзей... Но кто среди всех неприятелей Дома святой Софии опаснее прочих? И (что, с политической точки зрения, важнее) кого опасались более прочих?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.